

Шансель, или 100-процентный человек телевидения

Лучше один раз увидеть. Впрочем, и услышать, если передачу ведет Жак Шансель. Он знаменит во Франции так, как может быть знаменит человек, которого почти двадцать лет подряд не устают смотреть и слушать по телевидению и радио, потому что знают: это всегда интересно, всегда открытие. Не проходит дня, чтобы одна из телекомпаний планеты не показывала либо полностью, либо во фрагментах какой-нибудь выпуск самой известной его передачи — «Большая шахматная доска» (советские телезрители могли ее видеть в начале нынешнего года, когда Шансель приехал в Москву). И каждый день французское радио отводит час для беседы Жака Шанселя с политиками, звездами в мире литературы, искусства или простыми людьми, знающими свое дело лучше других. Передача называется «Радиоскопия».

Пока у нас идут споры о том, каким должен быть ведущий — Молчановым или Листьевым, Балзой или Невзоровым, — самое время дать слово Жаку Шанселю, которого во многих странах считают 100-процентным «человеком телевидения». Иными словами, идеально соответствующим роли ведущего. Мы беседуем с ним в Париже, на авеню Монпелье, где рядом с домами мод Кристиана Диора и Нины Риччи расположена телестудия «Антенн-2». Тот редкий случай, улыбаясь, замечает Жак Шансель, когда вопросы задают ему.

— Как я стал таким? Родился на Пиренеях. О, это очень важно! Я пиренец в семнадцатом поколении. Там, в небольшой деревушке, дом моих предков, который построен в 940 году. Там моя родина. Правда, никто из нашего рода никогда до Парижа не добирался. Зато мне пришлось доказать: характер у пиренейцев особый.

В шестнадцать лет, накинув себе два года, я попал в армию и стал военным журналистом, диктуя репортажи из Вьетнама для «Пари-матч» и французского радио. Много путешествовал по Юго-Восточной Азии, был в Индии и Японии. Это пятидесятые годы. Потом вернулся во Францию, начал работать в газете «Пари-жур», ее уже нет. Потом пришел на радио.

У меня неплохое образование. Всегда увлекался чтением. С детства, даже по ночам с фонариком под одеялом. Прочитал, наверное, в десять раз больше, чем другие. Каждый день «проглатываю» один томик. Сам пишу — издал около 20 книг. В 17 лет создал первый роман, но теперь хочу, чтобы все его забыли. С 14 лет веду дневник.

Что еще сказать о себе? Люблю музыку и живопись. Хожу на аукционы. Один из них проводится напротив студии «Антенн-2». В конце ноября, к слову, будут продавать раннюю работу Пикассо. Обязательно схожу. Я любознателен: мне интересно буквально всё...

Добавим от себя: Шансель не был бы Шанселем, если бы при любознателности, свойственной, естественно, не ему одному, он

не обладал удивительной способностью заряжать интересом к жизни во всех ее проявлениях любого, кто оказывается в поле внимания — по обе стороны телеэкрана. Это едва ли не дар свыше. Приветливая улыбка, раскованность. Похоже на то, что даже спящий проснется, когда Жак Шансель ведет передачу. И улыбнется вместе с ним. Такое у него, как сейчас говорят, «биополе». «Большой шахматной доске» предшествовала другая передача — «Гость во воскресенье». Она была проще, напоминала по драматургии беседы с приглашенными в студию в программе «До и после полуночи» или «Телевизионное знакомство». Но изобретательность, на какую всегда был горазд Жак Шансель, привела к тому, что он решил усложнить и разнообразить действие. Приглашать в студию не только главное действующее лицо — а это в «Большой шахматной доске» всегда знаменитость, — но и тех, с кем его герой хотел бы встретиться, побеседовать и таким образом открыться неизвестным широкому кругу зрителей гранями характера. От шахмат здесь только образ, символ игры — каждый ответ (ход фигуры) требует ума, находчивости.

— Передача выходит раз в месяц, — говорит Жак Шансель. — Но к некоторым выпускам надо готовиться заранее, договариваясь с будущими ее героями заранее. Это вполне объяснимо. Время у знаменитостей расписано на год — на два вперед. А передача идет впрямую три часа. Значит, в назначенное время надо быть у нас в студии. А еще им, я так считаю, надо приехать заранее, если они живут за рубежом, подготовиться, настроиться. Хотя бы за неделю до передачи.

— «Большая шахматная доска» впервые появилась на телеэкране 1 января 1972 года. Вышло почти триста выпусков. Столько людей приходило в студию! Но есть ли среди них такие, с кем вы подружились? И почему?

— Особенно дорожу встречей с фон Караяном. Это был удивительный дирижер и человек. Мечтатель. И редкий трудяга. Переписал на компакт-диски все свои концерты. Скоро выйдет 40 фильмов с записью его концертов. Фильмы он тоже делал сам. В «Большой шахматной доске» я, как мог, всегда старался пропагандировать и популяризировать классическую, симфоническую музыку. Даже когда приглашенный не из мира классического искусства. А герои передачи были самыми разными — и певцы, и врачи, и спортсмены. Приходила, к примеру, сборная Франции по регби. Были писатели — Рей Бредбери из США, Борхес, который, по моему, после участия в передаче стал особенно популярен. Был Ростропович. Удивительно русский! Любит жить, любит жизнь. Россию любит редкостно. Собирает все, что напоминает ему о Родине, — картины, мебель. Солженицын тоже, я хорошо знаком с ним, воссоздал в

своем доме в Вермонте исключительно русский быт...

— Бывают ли у вас сложности, когда вы готовитесь к передаче, ведете ее? Или все дается легко, просто?

— Самое трудное — три минуты перед началом. Никогда не могу избавиться от волнения. Ну а потом главное — не запнуться на первой фразе. Выхожу, улыбаюсь, говорю: «Бон суар!» — «Добрый вечер всем вам!» Я исхожу из такого принципа — все люди, которых приглашаю, умнее меня. Правда, если передача не удалась, то успокаиваю себя тем, что виноваты мои герои... Конечно, передаче нужен свой ритм. Очень важно чувство меры. Ее надо строить как симфонию — начинать с увертюры и знать, чем закончить. Впрочем, это принцип построения любых передач, независимо, коротких или длинных, о политике или о музыке.

О «Большой шахматной доске» я написал книгу. Ее выпустили тиражом в 42 тысячи экземпляров. Для Франции это много. И все раскупили. Но я уже подумываю закрывать передачу. Нужна новал...

Какой она будет, Жак Шансель не сказал. О своих планах, проектах на Западе никогда не спешат рассказывать, особенно в деталях. Но невозможно предсказать, что передача будет плохой, неинтересной, размытой. Пока все, что придумывал Шансель, получалось. Вышло уже шесть тысяч выпусков «Радиоскопии», триста «Большой шахматной доски», семьдесят пять еще одной популярной его телепередачи «Фигура», которую он ведет раз в неделю. Саму студию «Антенн-2», вещающую по второму каналу французского ТВ, он тоже создал вместе с Марселем Жульеном. Энергия его кажется неиссякаемой. А любознателность... Пример — в конце беседы он включил телевизор, нажал кнопку, и мы увидели 1 программу ЦТ. По-русски Жак Шансель не понимает, но ему, по собственному признанию, страшно интересно смотреть и слушать Москву.

Мы попросили снимок для газеты, на котором он был бы с одним из героев «Большой шахматной доски». Какое созвездие имен! Мирей Матье, Лино Вентура, Жак-Ив Кусто, Мишель Легран и Родион Щедрин, Ицхак Шамир... А это — Мстислав Ростропович. Жак Шансель собирается приехать с ним в СССР на гастроли в начале следующего года. Сказал: «Ростропович просил меня: «Ты приготовь мне пилюли, когда приедем в Москву, такие, чтобы не плакать».

Надо, видимо, быть не только большим профессионалом, чтобы тебя так доверительно просили. Но разве можно стать настоящим телевизионным ведущим, если не любишь людей, не открыт людям?

В.А. АРСЕНЬЕВ,
Ю. КОВАЛЕНКО,
спец. корр. «Известий».

ПАРИЖ.
На снимке: Жак Шансель (слева) и Мстислав Ростропович.